

РЕЧЬ И РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТА*

В данной статье делается попытка выяснения природы интеллекта, а также рассматриваются особенности взаимодействия и взаимообусловленности последнего и речи как вербальной актуализации языковой личности. Исследуется взаимоотношение мышления и речи, мышления и интеллекта. Теоретические положения подкрепляются примерами психолингвистических экспериментов.

Ключевые слова: интеллект, взаимодействие с речью, вербальная актуализация, взаимодействие речи и мысли, психолингвистический эксперимент.

Взаимообусловленность таких, казалось бы, близких и даже родственных понятий как интеллект и речь, а также влияние речи на развитие интеллекта, не является, однако, самоочевидным. И дело здесь, прежде всего в том, что человеку от природы дана не речь, но способность к ней, доказательством чему могут послужить примеры воспитания младенцев дикими животными (так называемые «маугли»). Эти дети потом, когда их возвращали к людям (если им было уже более пяти-шести лет) с большим трудом овладевали лишь несколькими обиходными словами, да и это происходило далеко не во всех случаях. «Человек на всю жизнь оставался социально неадаптированным, непригодным для жизни в коллективе» [Веллер М. 2004, с. 224]. Основной (хотя и не единственной) причиной указанной неадаптированности таких людей, а они все-таки оставались людьми, в силу все той же свойственной им природной способности к разуму и к развитию речи, являлось отсутствие речевых навыков, реализующих интеллектуальные способности.

Для начала, необходимо попытаться выяснить природу самого понятия *интеллект*. Само это слово довольно часто используется в наше время, в особенности «при оценке умственных способностей знакомых и незнакомых людей», т. е., под словом, «интеллект», в данном случае, мы подразумеваем уровень умственных способностей субъекта. [Зимняя И. А. 1985, с. 23] Такое понимание интеллекта находит отражение в Словаре иностранных слов, где указанное слово определяется как «ум, рассудок, мыслительная способность человека» от латинского “intellectus”. [Словарь иностранных слов. 1987, с. 197].

Несколько отличное определение указанного слова дает в своей работе Ю. В. Брилева. По мнению автора, термин «интеллект» был впервые введен древнегреческим оратором Цицероном и обозначал «способность понимать» (Брилева Ю. В., С. 9). Современная точка зрения на интеллект объединяет два вышеуказанных значения данного термина, т. е. понимание как адекватность восприятия смысловой информации и понимание, как способность языкового субъекта адаптироваться к окружающей среде. Нетрудно заметить, что оба определения интеллекта близки по значению и взаимно дополняют друг друга. При этом способность понимать является доминирующим значением, поскольку способность индивидуума адаптироваться к условиям окружающей среды и, в первую очередь, к себе подобным, немислима без способности понимать, т. е. воспринимать адекватно содержание принимаемой информации. Интеллект в данном контексте может быть определен как «практический интеллект или практическое мышление» (термин Л. С. Выготского) и схематически включает в себя следующие стадии или процессы: 1) восприятие, 2) память (запоминание), 3) осмысление (анализ) и 4) суждение (речевая реакция). Каждая из названных стадий или интеллектуальных процессов по необходимости реализуется посредством языковой способности, т. е. умения мыслить, прежде всего,

* © Измайлов А.З.

словесно, а не «мыслекодами» как у С. Пинкера, поскольку они не могут быть адекватно идентифицированы в силу их абстрактного невербального происхождения.

Речь, как вербальная актуализация языковой способности, единственно может стать свидетельством наличия в индивидууме мыслительных способностей. Безусловно, более или менее адекватное словесное выражение мыслительного процесса является практически недостижимым. Тем не менее речь, данная нам в числе «прочих внутренних задатков» [Выготский Л. С. 2006, с. 445], реализуется в двух своих наиболее важных функциях – экспрессивной и коммуникативно-смысловой. По тому, насколько выразительна речь с одной стороны (экспрессивная функция) и насколько она убедительна с другой (коммуникативно-смысловая) мы можем судить об интеллектуальных способностях языкового субъекта.

Когда мы говорим о таком взаимоотношении интеллекта и речи, то подразумеваем осознанность последней. Осознанность речи, в свою очередь, предполагает наличие в ней социального фактора, ибо речь существует исключительно в социуме и вне его лишена всякого смысла. Социальный фактор речи является одновременно условием возникновения и условием развития речи, определяемой Л. С. Выготским как «социальный механизм поведения» [Выготский Л. С. 2006, с. 446]

Вместе с тем, отношение между интеллектом, «мышлением в собственном смысле слова», характеризуется неравнозначностью и неравномерностью в развитии. Практически, это означает то, что проявление интеллекта (например, у человекоподобных обезьян) никак не связано с функционированием речи. Примеры, приведенные Л. С. Выготским в работе «Мышление и речь» на основании опытов В. Келера, прямо свидетельствуют о наличии примитивного интеллекта у человекоподобных обезьян, проявляющегося в «оптически-актуальных предметных ситуациях» (термин Л. С. Выготского), когда испытуемая обезьяна сбивает с дерева плод с помощью палки, находящейся в пределах ее оптического поля.

Мысль о независимости функционирования интеллекта и речевой способности также находит подтверждение в работе С. Пинкера «Язык как инстинкт». По мнению автора, в мозгу человека есть набор генов, «грамматических алгоритмов» (термин С. Пинкера), отвечающих за реализацию речевой способности и не связанных с остальной частью интеллекта. В качестве доказательства приводится пример нарушения речевой способности у испытуемого, в результате перенесенного им удара. Испытуемый, по имени Форд, дал интервью нейропсихологу Х. Гарднеру, касающегося его прежней работы, которое мы приводим здесь частично:

“I’m a sig...no...man...uh,...well,...again.”

“Let me help you,” I interjected. “You were a signal man...”

“A sig...nal man...right,” Ford completed my phrase.

“Were you in the Coast Guard?”

“No, er, yes, yes... ship...Massachu...chussets...Coastguard...years.” He raised his hand twice, indicating the number of a nineteen. [Пинкер С. 2004, с. 37]

Речь испытуемого, работавшего, как видим, в береговой охране, отрывочна и бессвязна. Испытуемый с трудом связывает простейшие комбинации слов и сложные слова. Тем не менее, несмотря на явные речевые нарушения, интеллект, точнее интеллектуальные функции, были полностью сохранены. Испытуемый «мог прекрасно назвать предмет, или узнать его по названию. Он понимал вопросы, когда их содержание можно было вывести из полнозначных слов, например, «Тонет ли камень в воде?» или «Можно ли что-нибудь отрезать молотком?», но не тогда, когда требовался грамматический анализ, например, «Лев, был убит тигром; кто из зверей погиб?» [Пинкер С. 2004, с. 39]

Из эксперимента, описываемого С. Пинкером, мы можем заключить, что наруше-

ние речевой способности, «афазия», выражающейся в проблемах с грамматикой, лишь частично влияет на интеллект, точнее его вербальную составляющую и, соответственно на процессы восприятия и суждения (высказывания). С другой стороны, наличие речевой способности не является следствием высокого уровня интеллекта. Говоря в данном случае о речевой способности, мы имеем в виду нереализованную способность к речевой имитации (развитую, например, у попугаев), но речь человекоподобную, включающую в себя помимо собственно высказывания, еще и процесс восприятия (апперцепции) собеседника. С. Пинкер приводит пример, когда умственно отсталые дети, будучи абсолютно непригодными в повседневной жизни, владеют речью, причем эта речь «достаточно свободна и грамматически правильна» [Пинкер С. 2004, с. 42].

Т. е. чисто внешне, такая речь может восприниматься как речь абсолютно нормального человека со «вполне развитым интеллектом». Тем не менее, такая речь, при более глубоком рассмотрении является весьма «своеобразной». Эксплицитными особенностями речи ментально ослабленных субъектов является, прежде всего, ее асистематичность и циклический характер. По форме и содержанию представляемо в них материала, эти речевые фрагменты близки к внутренней, эгоцентрической речи. Для приведенных автором примеров, характерно, во-первых, отсутствие семантической целостности, логичности составляющих элементов и, во-вторых, определенная лексическая однородность, выражающаяся в лексических и синтаксических повторах. Следующий пример, взятый нами из работы С. Пинкера, убедительно демонстрирует вышеуказанные положения. Это расшифровка стенограммы некоей Кристалл, «страдающей синдромом Вильямса – редкой формой умственной отсталости»:

«Что такое слон, это такое животное. Что делает слон, он живет в джунглях. Он может жить еще и в зоопарке. Что есть у слона, у него есть длинные серые уши, уши-веера, уши, которые могут развеиваться по ветру. У него есть длинный хобот, которым он может срывать траву или поднимать сено... Если они в плохом настроении, это может быть ужасно... Если слона разозлить, он может топтать ногами, он может бросаться на вас. Иногда слоны могут бросаться, как бросаются быки. У них большие длинные бивни. Они могут повредить машину... Это может быть опасно. Когда они в опасности, когда они в плохом настроении, это может быть ужасно. Никто не хочет держать слона у себя дома. Все хотят кошку, или птицу» [Пинкер С. 2004, с. 43].

Итак, с одной стороны, речь как способность и как языковая реализация существует вне зависимости от интеллекта, и сам интеллект, как следует из приведенных выше примеров, не всегда проявляет себя в словесной форме. Эта мысль находит подтверждение у А. А. Потемни, в его работе «Мысль и язык»: «...в самом мышлении (т. е. интеллекте в практическом смысле) можно отметить многое, не требующее языка. Так, дитя до известного возраста, не говорит, но в некотором смысле думает, то есть воспринимает чувственные образы, притом гораздо совершеннее, чем животное, вспоминает их и даже отчасти обобщает... творческая мысль живописца, ваятеля, музыканта невыразима словом, и совершается без него, хотя и предполагает значительную степень развития, которая дается только языком. Глухонемой даже постоянно мыслит, и притом не только образами, как художник, но и об отвлеченных предметах, без звукового языка, хотя, по видимому, не достигает того совершенства умственной деятельности, какое возможно для говорящих, наконец, в математике, науке совершеннейшей по форме, человек говорящий отказывается от слова и делает самые сложные соображения только при помощи условных знаков» [Потемня А. А. 1989, с. 51]. С другой стороны, являясь «интеллектуальной функцией» (термин Л. С. Выготского), речь не может не отражать мыслительного состояния и умственных способностей человека. Одна из главнейших функций языка – «коммуникативная», является не чем иным, как функцией приспособления человека

к окружающей среде и, прежде всего, к себе подобным. Наличие речевой способности отражает определенный уровень развития интеллекта, т. е. интеллект в данном случае, проявляет себя через речевую актуализацию.

Определяя речь, как функцию интеллекта, вернее одну из них, касающуюся суждения, мы неизбежно отводим речи второстепенную роль. Вместе с тем, несомненна ее роль в развитии и становлении интеллекта. Говоря о речи, мы подразумеваем как ее активное состояние (само высказывание говорящего), так и пассивное проявление речевой способности (восприятие речи слушающим). Актуализация речи как проявление языковой способности, есть, по мнению А. А. Потебни, само по себе «развивающее явление», а значит активное, воздействующее начало. [Потебня А. А. 1989, с. 38]. Такое определение речи дает нам возможность рассматривать ее как «поворотный пункт» или «точку преобразования» мышления [Мамардашвили М. К. 1981, с. 75], вступление последнего в словесную фазу развития, которая способствует конкретизации абстрактных мыслительных процессов. И в этом, заключена ее социальная роль, та самая, которая является предназначением интеллекта, в смысле его приспособляемости к условиям окружающей среды. Следовательно, уровень речевой способности может служить показателем уровня интеллектуальной способности, т. е. способности воспринимать, понимать и анализировать информацию, поступающую извне, и адаптироваться к ней. Интеллект в виде некоего кванта знания реализует себя, становится доступным для внешнего анализа, только приняв словесную оболочку.

Не менее важным представляется взаимоотношение речи и мышления в плоскости категорий субъективности и объективности, что предполагает соотнесение первых с последними. Как мы убедились из продемонстрированных выше примеров, речь как языковое воплощение личности, вовсе не обязательно присуща последней, т. е. не является необходимым ее качеством (пример с ребенком, воспитывавшемся в волчьей стае), в то время как интеллект, хотя и проявляющий себя в достаточно примитивных бытовых ситуациях и не требующих вербального действия, напротив, является неотъемлемым качеством языкового субъекта. Стало быть речь, и это подтверждает ее коммуникативную социальную направленность, является *объективной, объединяющей* категорией, вместе с тем как интеллект представляет собой категорию *субъективного изолированного* порядка. Развитие интеллекта, тем самым, должно быть обусловлено и инициировано развитием речи, как стремлением к достижению с одной стороны, адекватной реализации своего внутреннего «Я», что, отчасти, и представляет собой интеллект (но гораздо шире его), а с другой, способствует большей адаптации к постоянно меняющимся условиям внешней среды, все более увеличивающейся информативностью внешнего языкового пространства, которое, в свою очередь, характеризуется как количественной стороной (объем, воспринимаемой и обрабатываемой субъектом информации), так и качественной (категории ложности/истинности, объективности/ субъективности и т. п.)

Стремление к объективности мысли, что, по мнению А. А. Потебни, и составляет содержание понятия истинности, также является идеальной функцией языка в его речевом проявлении. Указанная объективность должна применяться равно как к собственно речи (активная сторона), так и к пониманию (пассивная сторона), как «двум проявлениям речевой способности» [Потебня А. А. 1989, с. 42]. Речь, таким образом, «доносит» информацию (которая может быть представлена как единица интеллекта говорящего) до пассивного коммуниканта, объективирует ее. Воспринимая полученную информацию на объективном уровне, слушающий, в то же время, делает ее частью субъективного интеллектуального пространства, используя некие механизмы перекодировки вербального сообщения в невербальное (зрительно-образное). В этом последнем случае речь представляется отчасти субъективной категорией, постольку, поскольку вся «совокупность

познаваемого лежит вне языка: человек может приблизиться к этой чисто объективной области не иначе, как свойственными ему средствами познания и чувствования, следовательно, только субъективным путем» [Потебня А. А. 1989, с. 43].

Итак, развитие языка и речи как его проявления – это отражение субъективности интеллекта индивида, протекания его мыслительного процесса, и в то же время, реализуя эту так называемую объективацию индивидуального мышления, сама речь превращается в субъективную категорию. Что касается развития интеллекта, т. е., в нашем случае, совершенствование механизма адаптации к внешним условиям, то, можно уверенно сказать, что это происходит симультанно с развитием речевой способности. Речевая способность является как средством, так и условием этого развития. Называя язык «формой, телом и оболочкой» мысли, Ф. М. Достоевский писал: «чем богаче тот материал, те формы для мысли, которые я усваиваю себе для их выражения, тем буду я счастливее в жизни, отчетнее и для себя и для других, понятнее и себе и другим, владичнее и победительнее; тем скорее скажу себе то, что хочу сказать, тем глубже скажу это и тем глубже сам пойму то, что хотел сказать, тем буду крепче и спокойнее духом – и, уж конечно, тем буду умнее» [Достоевский Ф. М. 2008, с. 170].

ЛИТЕРАТУРА

1. Брилева Ю. В. Суперинтеллект. Практикум по развитию IQ. – М.: ООО “ТД “Издательство Мир книги”, 2006. – 320 с.
2. Веллер М. Всеобщая теория всего. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – 384 с.
3. Выготский Л. С. Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2006. – 1136 с.
4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 464 с.
5. Зимняя И. А. Функциональная психологическая схема формирования и формулирования мысли посредством языка // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М.: Высшая школа, 1985. – С. 21-24
6. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. – М.: Прогресс, 1981. – 499 с.
7. Пинкер Стивен. Язык как инстинкт. Пер. с англ. В. Д. Мазо. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
8. Потебня А. А. Слово и миф. – М.: Изд-во “Правда”, 1989. – 622 с.

СЛОВАРИ

Словарь иностранных слов. – 14-е изд., испр. - М.: Рус. С 48 яз., 1987. – 608 с.

A. IZMAILOV

SPEECH AND DEVELOPMENT OF INTELLECT

New Humanitarian Institute, Electrostal

The article analyses the nature of intellect and the specialties of interaction of it with speech as a verbal actualization of language personality. The interrelation of speech and thinking and of speech and intellect is also being studied. Theoretical principles are supported with the examples of psycholinguistic experiments.

Key words: intellect, interaction with speech, verbal actualization, interrelation of speech and thinking, psycholinguistic experiment.